

ЕВРОПА – РОССИЯ – СИБИРЬ: В ТРЕУГОЛЬНИКЕ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327/94(4)

DOI: 10.17223/2312461X/9/2

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И КРИЗИС ЕВРОПЫ

Ричард Саква

Аннотация. Начало Первой мировой войны было воспринято многими как «самоубийство Европы», спустя сто лет можно говорить о новом самоубийстве Европы, к которому привел губительный идеализм европейской интеграции. В основе Европейского союза лежала идея о объединении Европы ради мира, и до 1989 г. Европа вполне успешно справлялась с этой задачей. Однако Евросоюз потерпел неудачу, столкнувшись с не менее сложной задачей посткоммунистической эпохи – задачей устранения разногласий холодной войны и построения основ объединенного континента. Он стал лишь гражданским крылом атлантического союза в сфере безопасности, хотя должен был предложить общее мировоззрение для всего континента. Даже его все более ограниченная приверженность социальной и межнациональной солидарности ставится под угрозу идеей Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства.

Евросоюз оказался вовлеченным в геополитическое соперничество с Россией, подавляя при этом осознание логики своих действий. Украина оказалась внутренне разделена и расположена вдоль традиционного исторического разлома Европы, но искусная дипломатия в духе традиционного реализма могла бы предотвратить кризис. Евросоюз подавил осознание собственных геополитических амбиций, облекая свое наступление в термины регулирования, эффективного управления и нормативных институтов. Новый атлантизм эпохи после окончания холодной войны объединяет русофобские элиты в восточноевропейских странах – кандидатах на вступление в Европейский союз, яростных атлантистов в старой Европе и сторонников американского лидерства (гегемонии) в Вашингтоне, которые сговорились подорвать изначальную мирную цель того, что теперь стало Евросоюзом. Европейский союз оказался втянутым в новый атлантизм, утратив тем самым собственное понимание цели и чувство ответственности за свои геополитические начинания. Вместо того чтобы продвигать мирную интеграцию Европы на ясно сформулированной общеконтинентальной основе, Евросоюз стал инструментом создания новых разделительных линий на континенте.

Ключевые слова: Европейский союз, атлантизм, Россия, Украина, США

Когда разразилась Первая мировая война, Папа Бенедикт XV объявил, что она олицетворяет «самоубийство Европы»¹. Сто лет спустя мы можем говорить о новом самоубийстве, поскольку идеализм, связанный со

всей эпохой европейской интеграции, оказался тщетным и иллюзорным. Конечно, европейская интеграция в своем узком и эксклюзивном варианте продолжается, но усилия по достижению преобразовательной цели, а именно цели объединения континента на основе мира и справедливости, зашли в тупик. В основе Европейского союза (ЕС) лежит мирный проект, и до 1989 г. он блестяще выполнял свою задачу в Западной Европе. Однако ЕС потерпел неудачу, столкнувшись с не менее сложной задачей посткоммунистической эпохи – задачей устранения разногласий холодной войны и построения основ объединенного континента. Он стал лишь гражданским крылом атлантического союза в сфере безопасности, хотя должен был предложить общее мировоззрение для всего континента. Даже его все более ограниченная приверженность социальной и межнациональной солидарности ставится под угрозу идеей Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства.

В данной статье в словосочетание «смерть Европы» вкладываются три смысла. Во-первых, это исчерпание устремлений, закрепленных в Парижской хартии для новой Европы, принятой на втором совещании глав государств и правительств государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Париже 19–21 ноября 1990 г. Преамбула хартии недвусмысленно провозглашает: «Эра конфронтации и раскола Европы закончилась. Мы заявляем, что отныне наши отношения будут основываться на взаимном уважении и сотрудничестве». В основу документа легла общая приверженность принципам демократии, прав человека и верховенства закона. Документ настаивает: «Составляющая единое целое и свободная Европа зовет к новому почину» (Парижская хартия, 1990). Во-вторых, это трансформация ЕС из мирного проекта, основанного на ясно различимой гражданской программе, в конкурентоспособного геополитического игрока. В ходе этой трансформации его более ранние нормативные обязательства постепенно замещаются собственными национальными интересами (*raison d'état*). Вызывающее споры поглощение территорий и попытки создать сферу влияния, приходящие на смену предыдущим установкам государств, выглядят как типичное поведение империи, причем империи отчетливо неосредневековой, а не классического вестфальского типа (Zielonka 2007; 2008: 471–484). Экспансионистский импульс задается внешним спросом, а также классическими императивами, а именно необходимостью обеспечить безопасность путем нейтрализации угроз, исходящих из оспариваемых пограничных территорий. В-третьих, хотя Европу, разумеется, не следует отождествлять с Евросоюзом, имеет место более широкий кризис в развитии европейского континентализма, концепции некоего «общеевропейского дома» (по выражению Михаила Горбачёва), который простирается от Лиссабона до Владивостока. Вместо этого в западной части континента мощный

«новый атлантизм» (обсуждаемый далее) обретает форму в противопоставлении России и ее союзникам в Евразии. Эти три аспекта взаимосвязаны и пересекаются между собой.

Россия, как всегда, представляет собой неудобного «другого». Даже будучи слабой и бедной в 1990-е гг., она продолжала претендовать на статус великой державы, что проявлялось в сочетании элементов соперничества и сотрудничества в ее политике на Балканах². Став сильнее и богаче в 2000-е гг., она все более уверенно отстаивала этот статус, бросая тем самым вызов самонадеянности / презумпции атлантической системе в собственной благотворной, прогрессивной и универсальной роли в Европе. Формулу для включения России в расширяющуюся атлантическую систему найти не удалось. С самого начала к ней относились как к «другому» и исключали из коллективной динамики ЕС, что в сочетании со многими другими факторами способствовало ее превращению в неоревизионистскую державу.

Конец иллюзий

Высказывалось множество предупреждений о хрупкости, замкнутости и неустойчивости мирного порядка в Европе после окончания холодной войны. Имели место явные элементы того, что Эдвард Халлетт Карр в межвоенный период назвал «двадцатилетним кризисом». В ходе него отстаивание мирной и нормативной программ сопровождалось новой версией карательной динамики Версальского договора июня 1919 г. (Sakwa 2008: 241–267). Вопреки благородным декларациям конца холодной войны российские комментаторы указывали именно на «версальский» элемент в новой мирной системе. Эту точку зрения изящно сформулировал Сергей Караганов, декан факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики и почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике. Объясняя кризис отношений в 2014 г., он утверждает: «Важнейшая причина русского поворота – отказ Запада признать за Россией то место в европейской и мировой политике, которое она считает для себя естественным и законным. Запад пытался проводить, отказываясь признать это, политику победителя, де-факто версальскую политику, хотя и в “бархатных перчатках”, без прямых аннексий и контрибуций. Но, систематически ограничивая свободу, сферы влияния и рынки России и, наоборот, расширяя свою зону политического и военного контроля и влияния – через расширение НАТО, политического и экономического – через расширение ЕС» (Караганов 2014).

Это классическое проявление асимметричного окончания холодной войны. С точки зрения Караганова, к России отнеслись как к побежденной державе, хотя страна не считала себя таковой, и отвели ей

скромную роль в мировых делах. В итоге, как он утверждает, это вызвало своего рода веймарский синдром в стране, достоинство и интересы которой были проигнорированы. Этот довод стал стандартным для всего российского политического спектра, за исключением все более маргинализируемой группы либеральных западников. Этот тезис высказывал в том числе не кто иной, как Михаил Горбачёв, архитектор завершения холодной войны. Уже в 2000 г. он отмечал: «Очевидно, что Запад неспособен разумно реагировать на результаты нового мышления, которое освободило мир от блоковой политики и тотальной конфронтации» (Gorbachev, Ikeda 2000: 147). Это побудило Горбачёва, по сути, поддержать политику Владимира Путина в 2014 г., включая так называемое воссоединение с Крымом, что ознаменовало конец эпохи оптимизма, порожденной перестройкой в конце 1980-х гг. С этой точки зрения в конце холодной войны Запад не имел «большой стратегии», на основе которой он мог бы объединить континент, и вместо этого продолжил по инерции расширять свои институты и структуры. Россия в конечном счете рассматривалась как слишком слабая и слишком маргинальная, чтобы навязать существенные изменения, а к тому времени, когда Россия стала сильнее, было уже поздно³.

На Западе распространен совсем другой нарратив. Его наиболее изящно сформулировали Иван Крестев и Марк Леонард, которые утверждают, что события марта 2014 г. (присоединение Крыма) ознаменовали отступление европейского постмодернистского порядка и конец сложившегося после холодной войны европейского порядка в целом (Krastev, Leonard 2014: 1). По их словам, старым представлениям о балансе сил, имперском возвеличивании и геополитических методах пришел конец, а им на смену пришли взаимное проникновение внутри- и внешнеполитических вопросов, растущая проницаемость границ и универсалистское стремление применить новую нормативность ко всему остальному миру. Европейский проект в такой интерпретации был одновременно «исключительным и универсальным», что сделало «невозможным для европейцев принятие альтернативных проектов интеграции на континенте». «Укрывшись в своей постмодернистской экосистеме, Европа потеряла интерес к тому, как Россия видит мир, и к ее планам» (2). А главное, ослепленный собственным успехом «Евросоюз не отдавал себе отчета в возможности иной интерпретации. То, что он считает благожелательной – практически “травоядной” – силой, иные вполне способны воспринимать в качестве угрозы» (3). Это довольно необычная, благодушная трактовка современной международной политики Европы. Серьезная претензия на нормативное превосходство подорвала способность ЕС взаимодействовать с другими акторами в Европе на основе суверенного равенства. Политическая субъектность других принижается, если не подчиняет себя логике нормативного пре-

восходства ЕС, что в итоге препятствует нормальному дипломатическому взаимодействию между двумя суверенными игроками. Возмущение и сопротивление России были отнесены к категории реакционного и невежественного поведения, что довольно логично с точки зрения ЕС. Так начался так называемый ценностный разрыв, который в конечном итоге подорвал серьезные продуктивные отношения. Именно это фундаментальное противоречие европейского развития и спровоцировало кризис 2014 г.

Отношения ЕС с Россией были сложными с самого начала, а с течением времени стали еще сложнее. Как показал Сергей Прозоров, отношения были выстроены не на основе суверенного равенства, а на основе покровительственного принципа отношений учителя и ученика (Prozovov, 2006). На практике это проявилось в процессе разработки Общей стратегии ЕС в отношении России 1999 г. Несмотря на некоторое взаимодействие с российскими представителями на раннем этапе, разработка документа представляла собой, «тем не менее, весьма одностороннее занятие». В тексте было не так много «общего» как результата взаимных консультаций двух партнеров, вместо этого под «общей» подразумевалась позиция стран – членов ЕС (Maresceau 2004: 183). Это в той же степени касается Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, подписанного в 1994 г., но вступившего в силу только 17 декабря 1997 г., а также Промежуточного соглашения по торговым вопросам, подписанного в 1995 г.: «оба оказались неадекватными двусторонними инструментами для целей регулирования отношений между двумя сторонами» (184). Многие комментаторы в России были готовы принять тезис о том, что расширившийся ЕС является краеугольным камнем стабильности в Европе, но несогласные голоса звучали с самого начала. Например, бывший посол СССР при Европейском сообществе Владимир Шемятенков утверждал, что «несмотря на все сладкие слова о *партнерстве*, оно [расширение ЕС] означает фактическое исключение России (и россиян) из зоны мира, стабильности и благополучия» (184).

И по сей день «правовые рамки отношений [между ЕС и Россией] остаются в некотором роде неурегулированными» (David 2014: 5). Логика исключения достигла апогея в систематических усилиях, принятых, чтобы не допустить Россию к переговорам относительно Соглашения об ассоциации Украины с ЕС, хотя ее участие имело бы большое значение для двусторонних отношений между Россией и Украиной (Dragneva, Wolczuk 2014: 213–244). Были неправильно сформулированы проблема влияния расширения на соседей ЕС и проблема качества политических отношений между ЕС и его партнерами в так называемой новой Восточной Европе (Tholens, Del Sarto 2014). Вместо того чтобы создать Европу «без разделительных линий», расширение закрепило новое разделение Европы, при этом вызвав к жизни класси-

ческие имперские клише об отношениях между центром и периферией. Критика Евросоюза через призму реализма, разумеется, далеко не нова, но с учетом украинского кризиса в настоящее время стоит вопрос о самом выживании ЕС как способного к преобразованию института⁴. Доводы ранних критиков ЕС, которые считали его лишь инструментом холодной войны, теперь получили дополнительную силу.

Как я подробнее проанализирую далее, нормативная риторика, сопровождаемая практическими шагами в парадигме реализма, подкрепляется явлением, на которое слишком часто не обращают внимание, относя ЕС к категории постмодернистских и поствестфальских институтов. Речь идет о фактической конвергенции ЕС и НАТО и формировании того, что я называю «новый атлантизм». У дилемм безопасности, которые создает новый атлантизм, есть множество аспектов. Один из них – неспособность ЕС регулировать размещение внешних сил на своей территории. С либеральной точки зрения Евросоюз в своих устремлениях, несомненно, является благотворным и прогрессивным явлением, но он лишь половина атлантического грецкого ореха. Другая половина – НАТО, а скорлупой, обрамляющей обе части, является американское лидерство вне обеих структур, быстро развивающееся в рамках нового атлантизма. Таким образом, ЕС может и является посттерриториальным образованием, но объявление в апреле 2007 г. о планах НАТО по созданию системы противоракетной обороны в Центральной Европе стало суровым напоминанием о том, что Европа остается неотъемлемой частью разделенного и военизированного мирового порядка. Разработка Евросоюзом Общей политики безопасности и обороны и размещение НАТО систем противоракетной обороны в Европе поднимают основополагающие вопросы, в том числе вопрос о том, как нам следует понимать дилеммы европейской безопасности в контексте, в котором существуют конкурирующие концепции европейской безопасности, а один важный актор находится вне этих процессов.

На глубинном уровне приверженность ЕС комплексу нормативных общественных благ, включая эффективное управление, верховенство закона, защиту прав собственности и по-настоящему конкурентные рынки, рискует быть сведена на нет способом реализации этих обязательств. Источником противоречий стала так называемая новая Восточная Европа, включающая три государства, расположенные непосредственно между Россией и ЕС, а именно Беларусь, Молдову и Украину, а также три республики Южного Кавказа: Армению, Азербайджан и Грузию. Противоречие заключается в том факте, что нормы, по сути своей технократические, оказались политизированы. Им не хватает всеохватной нормативной приверженности идее разнообразной и объединенной Европы, вместо этого растет приверженность новому атлантизму. Отсутствие общего континентального мировоззрения означает, что когда эти нормы

встретили сопротивление «другого», в данном случае России, они приобрели геополитический характер, даже если в их основе лежали благородные намерения и стремление к преобразованию.

ЕС и НАТО утверждают, что безопасность можно укреплять, продвигая либеральную демократию и интеграцию в европейские институты, но в итоге этот «трансдемократический» импульс стал предметом серьезных разногласий, когда начал восприниматься как стремление к смене режима посредством цветных революций. В основе трансдемократической идеи лежит идеология демократизма, которая исходит из того, что если демократия – лучшая из возможных форм правления и должна принести союзников заинтересованным государствам, то необходимо предпринять все возможные шаги для достижения желанной цели⁵. Основным инструментом достижения цели стала считаться так называемая цветная революция, т.е. массовая народная мобилизация против попыток «украсть» выборы. Классическим образцом такой мобилизации стали украинские события осенью 2004 г. Идеология демократизма опирается на широкую сеть объединений гражданского общества, финансируемых США и европейскими странами. Ощущение, что Запад использует продвижение демократии как прикрытие для достижения своих стратегических целей, включая изменение режима, вызвало широкий спектр защитных реакций в России. Неудивительно, что трансдемократическая трактовка идеологии демократии и военной мощи атлантической системы безопасности воспринимается как угроза для тех, кто выступает в качестве объекта. Это особенно актуально в том случае, когда данная трактовка сопровождается дискурсами исключения, такими как продвигаемый некоторыми элитами в ряде бывших коммунистических стран тезис о якобы исконном стремлении России к империализму⁶. У России и других стран раздражение вызывает не столько демократия как *практика*, сколько ее продвижение как *проект*, который воспринимается как агрессивный, экспансионистский и в конечном итоге подрывающий государственный суверенитет. Разумеется, критика демократизма может использоваться как прикрытие для авторитаризма, но это также и призыв к плюралистическому международному порядку, который признает альтернативные виды развития и разные модели модерны. Сопротивление трансдемократии необязательно имеет антидемократический характер.

Асимметричное окончание холодной войны, при котором трансдемократические державы провозгласили свою победу, в то время как Россия – в отличие от Германии или Японии по окончании Второй мировой войны – отказалась принять поражение, вызвало конфликтный цикл, который далек от завершения (Dower 2000). В отношениях России и Запада установился продолжительный период «холодного мира», перемежающийся попытками обеих сторон уйти от логики новой кон-

фронтации. Именно это я называю имитацией холодной войны, которая воспроизводит практики холодной войны без открытого принятия логики соперничества, лежавшей в ее основе (Sakwa 2013). Это постидеологическая холодная война, поскольку столкновение происходит между разными вариантами капиталистического модерна и нацелено на достижение «концерта капиталистических держав, [который] мог бы регулировать конкуренцию между интегрированными, но различными моделями политической экономии». Это был бы «плюралистический порядок», в котором были бы «уважение или, по крайней мере, терпимость к различиям и готовность адаптироваться к реальным условиям силы» (Buzan, Lawson 2014: 90). Вместо этого возобладали монистическое видение, формирующее конкурентную динамику в европейских международных отношениях, несмотря на благие намерения сторон. Хуже всего, что посткоммунистические страны, поощряемые неоконсерваторами в Вашингтоне и «реваншистами» в Центральной и Восточной Европе, подогревали тревоги по поводу якобы присущей России склонности к деспотизму и империализму. Это стало самоисполняющимся пророчеством: к России отнесли как к врагу, в итоге она им стала. Североатлантический альянс при этом обрел новую роль, которая удивительно похожа на ту задачу, ради которой организация была создана изначально, – задачу сдерживания России.

Следования структурной логике конфликта теоретически можно было избежать, углубив институты и практики либерального интернационализма в рамках Большой Европы (обсуждается далее). Рыночные отношения и плотные сети глобального и регионального управления могли бы сдерживать конфликтный потенциал. Евросоюз основан именно на расширении дуги эффективного управления, но выполнение этой задачи оказалось слишком тесно связано с динамикой соперничества с Россией. Нормативные заботы ЕС в итоге были перекрыты трансдемократическим геополитическим стремлением нового атлантизма расширить свою сферу влияния на восток. Таким образом, ЕС вступил в конфликт с Россией, борясь за территории в новой Восточной Европе, которые раньше воспринимались как общие соседи, а теперь как оспариваемый регион. Я не утверждаю, что Евросоюзу следовало оставить попытки распространить влияние на новую Восточную Европу, но следовало делать это посредством классических дипломатических механизмов согласования и переговоров со всеми заинтересованными сторонами. Различие между европейским и атлантическим проектами следовало выразить более ясно. Вместо этого Европейская комиссия, особенно под резким и нечутким руководством Жозе Мануэла Баррозу, стала воплощением имперского высокомерия. Отношения между Москвой и Комиссией были на пределе задолго до украинского кризиса.

Подход к политике в духе парадигмы реализма, который концентрируется на интересах и вопросах национальной безопасности, предупре-

дил бы политиков об опасности продвижения в регион, насыщенный своими нормами и традициями и занятый собственным интеграционным проектом. Как настойчиво напоминает нам Джон Миршаймер, большинство реалистов были против расширения НАТО. Он также вспоминает критику Джорджа Кеннана в отношении безрассудного расширения (Mearsheimer 2014). Генри Киссинджер тоже подчеркивает, что жизнеспособность международного порядка зависит от достигнутого им равновесия между легитимностью и силой, при котором обе составляющие эволюционируют и изменяются. «Когда это равновесие разрушается, ограничения исчезают, открывается пространство для самых экспансивных притязаний и самых безжалостных акторов; наступает хаос, который существует, пока не будет создана новая система порядка» (Kissinger 2014: 66). По его мнению, версальское урегулирование уделило слишком много внимания легитимности и призывам к общим принципам, игнорируя составляющую силы и тем самым практически спровоцировав немецкий ревизионизм (83). Это довольно точное описание сегодняшнего европейского беспорядка.

Новый атлантизм

На месте, которое раньше занимала идея Европы, появился вакуум. С одной стороны, Россия занята собственными интеграционными проектами, прежде всего формированием Евразийского экономического союза, договор о создании которого вступил в силу 1 января 2015 г., а также начинает выстраивать более тесные связи с азиатскими державами, особенно Китаем. С другой стороны, атлантическое сообщество в сфере безопасности постепенно превращается в более широкий союз, сочетающий безопасность с более интенсивными политическими и экономическими связями. Между тем новый атлантизм постепенно превращается в политическую силу, которая преодолевает утрату цели и направления, произошедшую вскоре после окончания холодной войны. После утраты своей изначальной рациональной основы атлантическое сообщество находилось в поисках новой цели, которую оно в итоге и нашло, вернувшись к сформулированной по-новому версии собственной первоначальной задачи – к сдерживанию России. Два десятилетия развития после окончания холодной войны были переходным периодом, в ходе которого Североатлантический альянс вел войны на юго-востоке Европы и в Афганистане, но главное, стремился достичь невозможного: сохранить изначальный атлантический характер организации, обеспечив преобладание США в расширяющемся альянсе по безопасности, и вовлечь Россию в процесс в качестве партнера по безопасности. Усилия, направленные на достижение второй цели, были искренними и интенсивными, но в итоге были подорваны расширения-

ми, которые привели альянс к границам России, а также введением системы противоракетной обороны на европейскую территорию, уверенностью в идейном превосходстве и продолжающимся преобладанием Вашингтона в альянсе. Новый атлантизм был ослаблен разногласиями между разными флангами, а также сокращением бюджета в условиях продолжающейся рецессии и идеологическим противостоянием новому разделению Европы, однако он выходит на первый план как доминирующая политическая сила в западной части континента.

Новый атлантизм является одновременно герметичным⁷ и всеохватным. Под *герметичным* я подразумеваю, что система безопасности, созданная после Второй мировой войны, существенно расширилась после 1989 г. и охватила широкую полосу бывших стран советского блока и даже часть Советского Союза (прибалтийские государства), но ее внутренняя логика и институты остались удивительно невосприимчивы к изменению, несмотря на падение железного занавеса и неуверенное движение России к капиталистической демократии и международной интеграции. Россия не стала полноправным членом нового сообщества по безопасности, что вызвало потенциальные поводы для споров и разногласия, которые достигли апогея в ситуации вокруг Украины в 2013–2014 гг. А главное, атлантический альянс становится все в большей степени идеологической инициативой, а значит, по определению теряет гибкость и прагматизм. Украинский кризис продемонстрировал новую ригидность в политике и избирательность в понимании сложных информационных потоков.

Простота, с которой Североатлантический альянс соскользнул обратно к установкам холодной войны и конфронтации с Россией, иллюстрирует герметичный и идеологический характер организации. Возвращения к американскому обязательству по защите Европы приобретают свойства мантры, скрывая динамику, посредством которой это обязательство подрывает панъевропейскую безопасность. Любые уступки или даже понимание российской позиции рассматриваются как слабость, если не умиротворение агрессора, что и приводит к эскалации конфронтации⁸. Идея многополярного мирового порядка, громко отстаиваемая Россией и более тихо Китаем, атлантистами воспринимается как проклятие. Окружающие условия значительно изменились, однако идейное и корпоративное мировоззрение холодной войны сохранилось и теперь оживает вновь, чтобы возглавить стратегию нового сдерживания России.

Что касается *всеохватного* характера, он набирал силу в последние годы, по мере того как внешнеполитическое измерение и измерение безопасности ЕС фактически сливались с атлантическим сообществом по безопасности. С Лиссабонского договора ЕС от 13 декабря 2007 г., вступившего в силу в 2009 г., Общая Внешняя Политика и Политика Обороны ЕС (ОВПБ) представляет собой по сути элемент атлантической системы.

От кандидатов на вступление в ЕС теперь требуется привести свою политику обороны и безопасности в соответствие с политикой НАТО, что фактически приводит к милитаризации ЕС. Даже традиционная нейтральность некоторых стран оказывается под вопросом, поскольку атлантисты в Швеции и Финляндии используют украинский кризис, чтобы сблизить свои страны с НАТО. Разработка политики безопасности в ЕС даже после Лиссабона остается межправительственным процессом на основе консенсуса, однако учреждение Европейской службы внешнеполитической деятельности создало ощущение большей согласованности, хотя в ходе украинского кризиса она и не смогла выступить в качестве отдельного игрока и сыграть роль посредника между Вашингтоном и Москвой.

Новый атлантизм формировался долго и представляет собой внутреннее преобразование традиционной системы безопасности в новый тип сообщества. Все это вместе создает впечатляющее сосредоточение силы. В соответствии со своим герметичным и всеохватным характером новый атлантизм фактически сделал безопасность эксклюзивным общественным благом. Если в прошлом безопасность порождалась балансом сил или каким-либо соглашением, при котором разные государства решали разногласия дипломатическими методами, то новая система гарантирует безопасность своих участников и союзников (хотя, конечно же, в разной степени для первых и вторых), но ощущает все большую нехватку механизма для действительно сбалансированных отношений безопасности с другими игроками. Это позиция одностороннего геополитического нигилизма, при котором сама мысль о том, что другие государства имеют геополитические интересы, не совпадающие с интересами атлантического сообщества, рассматривается как отклонение и кощунство. Такое отношение не только подрывает легитимность тех, кто отстаивает эти отличающиеся интересы, но и легко ведет к демонизации лидеров и элит, которые противостоят атлантистской гегемонии. Универсалистская трансдемократическая взаимосвязь безопасности и нормативности отрицает саму идею альтернативных вариантов модерна. Арсенал атлантического реагирования на кризис теперь включает все четыре аспекта: милитаризм, безопасность, экономику и СМИ – для очернения собеседника и подрыва его силы. Санкции, медийные кампании и скрытые операции – все это является частью всеобъемлющей атаки на внешних акторов и антагонистов.

Российский неоревизионизм

В отличие от Германии межвоенного периода (1918–1939 гг. – *ред.*), современная Россия не является ревизионистской державой, хотя она и бросает вызов равновесию между силой и легитимностью, воплощенному в европейском урегулировании после холодной войны. Этот вы-

зов заставил Россию стать тем, что я называю неоревизионистской державой, которая не подвергает сомнению ни базовое территориальное устройство Европы, ни даже базовые нормативные положения, на которые опирается современный мировой порядок. При этом она требует признания своих притязаний на равноправное положение в этой системе и, таким образом, на статус законного партнера в руководстве мировыми делами. Таким образом, под сомнение ставятся американские притязания на место «незаменимой державы» и претензии ЕС на нормативное покровительство.

В 1990-е гг. Россия мало что могла сделать по поводу асимметричного конца холодной войны, поскольку была экономически слаба и завязла в долгом переходном периоде, создавая систему, приближенную к рыночной экономике. Вступление Владимира Путина в должность президента в 2000 г. совпало с началом продолжительного периода высоких цен на сырьевые ресурсы, в первую очередь на нефть и газ. Россия переживала ежегодный рост в 8% вплоть до начала мирового экономического кризиса в 2008 г. Российское государство существенно увеличило свои возможности по извлечению сырьевых ресурсов, а налоговые поступления росли в результате поражения олигархической модели капитализма в начале 2000-х гг. Во многом это было связано с делом «ЮКОСа» в 2003 г., в результате которого данная нефтяная компания фактически была экспроприирована и передана в руки принадлежащей государству «Роснефти», а ее глава Михаил Ходорковский провел в тюрьме больше десяти лет (Sakwa 2014a). В 2008 г. Путин покинул пост после двух сроков, разрешенных ему Конституцией, и четыре года страной управлял относительно либеральный Дмитрий Медведев. Он обещал вдохнуть жизнь в демократические институты страны, которые все больше душила система «управляемой демократии». Медведев достиг лишь скромного успеха, но он обозначил повестку дня по реформированию путинской системы, которая актуальна и по сей день (Sakwa 2014b). По мнению Д. Тренина, во внешней политике Медведев по поручению Путина выполнил «своего рода разведывательную миссию на Запад, чтобы выяснить, чего можно добиться от Соединенных Штатов и Европы». Когда три с половиной года спустя Путин посмотрел на итоги (этой миссии. – *ред.*), результаты не были впечатляющими, и последний сделал вывод о том, что Запада не высказывает достаточно уважения к интересам или мнениям России (Trenin 2014).

В итоге именно реальные внешнеполитические угрозы, например в связи с западным военным вмешательством в Ливию в 2011 г., обеспечили возвращение Путина на пост президента в 2012 г. В ходе голосования в Совете Безопасности ООН 17 марта 2011 г. по вопросу о создании бесполетной зоны Россия воздержалась, что по сути позволило за-

падным державам свергнуть Муаммара Каддафи. Это был еще один пример смены режима, которая так беспокоила Россию и которая уже спровоцировала внутривнутриполитическое «закручивание гаек» в середине 2000-х гг. (Horvath 2013). К тому времени, когда Путин вернулся на пост президента в мае 2012 г., Россия стала значительно сильнее и была готова заявить о себе в мировой политике. После войны России и Грузии в августе 2008 г., которая выявила ряд проблем, российские вооруженные силы стали объектом масштабной программы реформ и перевооружения. При Путине Россия преподносила себя не столько как антизападную державу, сколько как продолжение «подлинного» Запада другими средствами, демонстрируя приверженность консервативным ценностям, традиционным вариантам государственного суверенитета и многополярной международной системе (под этим подразумевался отказ принять гегемонию атлантической системы)⁹. Россия была далека от того, чтобы стать полностью ревизионистской державой, поскольку выступала в защиту системы ООН и международного права, которые, по многочисленным заявлениям ее официальных лиц, Запад подрывает своими действиями. Этот тип неоревизионизма не стремится изменять основополагающие принципы международного порядка, но желает сделать Россию и другие «восходящие» державы равными в данной системе.

Несомненно, сама Россия нарушила важнейший международный принцип суверенитета, присоединив Крым в 2014 г. (Allison 2014). Однако это те правила, которые, по утверждению Москвы, неоднократно нарушал Запад. Как заявил Путин в эмоциональном выступлении в защиту российских действий в отношении Крыма 18 марта 2014 г.: «Нам говорят, что мы нарушаем нормы международного права... Хорошо, что они хоть вспомнили о том, что существует международное право, и на том спасибо, лучше поздно, чем никогда» (Путин 2014). С его точки зрения, именно Запад стал ревизионистом, попирая международное право для своей выгоды. Примером может быть вторжение в Ирак в 2003 г., которому Путин яростно противостоял. Однако вопреки большинству комментариев это не означало появления полномасштабного ревизионизма, который повлек бы за собой серьезный отказ от оперативной структуры международного права и существующего территориального устройства. Вместо этого Путин провел большую часть своего времени во главе страны, пытаясь укрепить существующие границы и государственную систему. Череду договоров с соседями, для стабилизации существующих границ, отражает глубокий консерватизм этой системы. По мнению Путина, одностороннее провозглашение независимости Косова в феврале 2008 г. и его быстрое признание независимости рядом ведущих атлантических держав являются вызовом международной стабильности. Действительно, российское руководство долго сопротивлялось признанию независимости Южной Осетии и Абхазии,

которые объявили о своем суверенитете 26 августа 2008 г. после короткой войны с Грузией, а попытки Южной Осетии присоединиться к России были отвергнуты. Воссоединение с Крымом было ответом на серьезную угрозу безопасности, и прежде всего, на опасность утраты Севастопольской военно-морской базы. Как отметил бывший посол Великобритании в России Тони Брентон, «захват Крыма и поддержка повстанцев на востоке Украины были незаконны и имели дестабилизирующий эффект, но они были ответом на уникальный комплекс исторических и политических обстоятельств» (Brenton 2015). Все эти действия являются неоревизионистским ответом на то, что воспринималось как угроза для России, и представляют собой отказ от статуса подчиненного, но не отказ от существующей системы международных отношений или начало попыток вернуть себе территории.

Россия больше не является уступчивым партнером, как в ранний период после окончания холодной войны. Болезненный опыт более чем двух десятилетий внутривосточного и международного беспорядка сделал и российскую элиту, и российское общество готовыми к тому, чтобы бросить вызов западной гегемонии. Это более широкое явление, чем предполагаемый эффект от так называемой путинской пропаганды в средствах массовой информации (Mickiewicz 2014). Хотя (западные средства массовой информации и политические лидеры. – *ред.*) часто возлагают личную вину на Путина за ухудшение отношений с Западом, его взгляды на самом деле отражают более глубокие изменения в российском обществе в последние два десятилетия. Бунин и Макаркин описывают четыре долгосрочные тенденции, которые подчеркивают растущее отчуждение между Россией и Западом: сильное чувство самодостаточности страны в сочетании с приверженностью ее статусу великой державы и ведущей роли в мире; устойчивое ощущение исторической преемственности, несмотря на многократные разрывы, основанное на стремлении к державности и сильной социальной политике; глубоко укорененный страх утраты территории и восприятие утраты как духовной катастрофы; наконец, акцент на конспирологической трактовке общественно-политических процессов. Маловероятно, что в ближайшее время в Россию вернется идеализация Запада, которая была характерна для эпохи перестройки и раннего посткоммунистического периода. Попытки Путина установить новые отношения с Западом на основе равенства представляли собой уникальное «окно возможностей», но теперь оно утрачено. Согласно опросам общественного мнения большинство россиян разделяют мнение Путина о том, что Запад больше не является приемлемым партнером России (Бунин, Макаркин, 2014). Это свидетельствует о начале продолжительного периода конфронтации, которого вполне можно было избежать.

Две концепции Европы

Две концепции Европы уже долго борются между собой. Тимоти Гартон Эш указывал на разногласия между евроатлантизмом и евроголлизмом внутри ЕС (Garton 2005), но эти разногласия не ограничиваются Евросоюзом. По сути, это раскол между очень разными представлениями о Европе и соответствующими ей представлениями о качестве политических отношений между ключевыми игроками. Первая концепция *Широкой Европы* представляет собой видение континента, сосредоточенное вокруг ЕС. Европейское пространство видится с центром в Брюсселе и с концентрическими кругами, исходящими от западноевропейских государств – инициаторов европейской интеграции. В 1950-е гг. такое видение было гарантией того, что Франция и Германия больше никогда не будут воевать друг с другом. Эта концепция была тесно связана с концепцией социальной Европы, заданной отцами – основателями европейской интеграции и их католической верой. Создатели того, что стало в итоге Евросоюзом, опирались на две основополагающие задачи: преодолеть логику конфликта, восстановив при этом государственность участников, и обеспечить благополучие граждан на основе справедливости. Со времени подписания Римского договора 25 марта 1957 г. шестью странами – основательницами Европейского экономического сообщества – организация выросла и сейчас включает 28 стран-членов, при этом последними в нее вступили государства из бывшего коммунистического блока. Волна расширения в мае 2004 г. включала не только страны Центральной и Восточной Европы (Польшу, Венгрию, Чешскую Республику, Словакию и Словению), но и прибалтийские республики (Эстонию, Литву и Латвию), а также Республику Кипр и Мальту. В 2007 г. к ним присоединились Болгария и Румыния, а в июле 2013 г. Хорватия. Страны Восточной Европы стремились к либеральной демократии, рыночным реформам и, главное, хотели «вернуться в Европу».

В процессе расширения ЕС были внутривнутриполитические дебаты, заминки и противоречия, но в целом преобладал заметный общественный консенсус. Политические, социальные и геополитические цели совпали, и это позволило упомянутым странам за удивительно короткий период присоединиться к расширившемуся атлантическому сообществу. Это было образцовое проявление модели развития, которую можно назвать *Широкой Европой*, и оно, несомненно, дало существенные (хотя и не всегда бесспорные) выгоды странам-участницам. Именно к таким выгодам сейчас стремятся Грузия, Молдова и Украина, хотя на этих оспариваемых «промежуточных землях» больше нет того же совпадения внутривнутриполитических устремлений и геополитических установок. Так называемый европейский выбор, как это ни парадоксально,

является не европейским, а атлантистским, а это совсем не одно и то же. Если бы он был чисто европейским, он не вызвал бы столько разногласий. Вид грузинской армии, марширующей на войну в 2008 г. под флагом ЕС, вызвал беспокойство наблюдателей в странах – осколках «старой Европы». «Старой Европой» министр обороны США Дональд Рамсфелд назвал Францию и Германию в январе 2003 г. в ответ на их критику в отношении запланированного вторжения в Ирак (Outrage at «Old Europe» remarks 2003). Сконцентрированная вокруг ЕС *Широкая Европа* оказалась поглощена трансдемократической атлантистской системой, подрывающей ее нормативные основания.

Широкой Европе бросает вызов вторая концепция – идея *Большой Европы*. Еще до распада Советского Союза в 1991 г. Горбачёв сформулировал манифест *Большой Европы*, говоря об общеевропейском доме. Это был бы континент, единый в своем разнообразии, поскольку когда Горбачёв впервые выдвинул эту концепцию, он был уверен, что Советский Союз будет развиваться на основе «гуманного, демократического социализма». Вместо концентрических кругов, исходящих от Брюсселя и слабеющих по краям, но все же сосредоточенных в едином центре, идея *Большой Европы* утверждает многополярный образ Европы с более чем одним центром и без единой идеологической окраски (Громыко, Фёдоров 2014). Таким образом, Москва, Анкара и, возможно, Киев могли бы быть полноправными центрами, находящимися в союзных отношениях с *Широкой Европой*, но сохраняющими многомерный комплекс собственных взаимодействий. Это более плюралистическое воплощение европейского пространства, и оно опирается на долгую европейскую традицию. Понятие пан-Европы, предложенное Рихардом Куденхове-Калерги еще до войны, голлистские идеи более широкого общеевропейского пространства от Атлантики до Тихого океана, мечта Горбачёва об общеевропейском доме, выходящем за рамки блоковой политики холодной войны, возврат Николя Саркози к идее пан-Европы¹⁰, идея Валдайского клуба о «Союзе Европы» – все эти концепции указывают на устремление к более *Широкой Европе*.

Это заставляет несколько переосмыслить новую трактовку панъевропейства в эпоху после холодной войны. Как сказал бывший президент Борис Ельцин, «Европа без России – это не Европа. Она только с Россией может быть большой Европой. И такой большой Европой, равной которой уже нет и не может быть на земном шаре» (Bershidsky 2014). Другими словами, Россия как огромная и относительно неразвитая, но богатая ресурсами страна и Западная Европа с ее передовыми технологиями и потребностью в энергетических и других ресурсах дополняли бы друг друга. Однако необходимо было найти подходящую политическую форму для взаимодействия. В то время как российское руководство затрачивало значительные усилия на разработку идей для новой архитектуры

единой Европы, другие страны не видели потребности в новых идеях, поскольку для них *Широкая Европа* была вполне жизнеспособной моделью, дополняемой не Россией, а Соединенными Штатами.

Германия долгое время находилась посередине этих разных подходов к Европе, выстраивая Большую Европу снизу вверх путем создания разветвленной сети экономических связей. Около 6 200 немецких компаний сейчас ведут свою деятельность в России, формируя подлинную взаимозависимость. С точки зрения России организованный Соединенными Штатами режим санкций частично был направлен на разделение Германии и России, и вся украинская неразбериха действительно имела такой эффект¹¹. Сейчас Германия столкнулась с основополагающим выбором: лидерские позиции в ЕС в рамках обновленной приверженности атлантизму, что позволяет получить поддержку США в отношении ее жесткой фискальной позиции и в целом в отношении ее главенствующего положения в Евросоюзе, или сохранение традиционной (бисмарковской) роли посредника между Россией и Европой, что означало бы вызов новому атлантизму. Несмотря на раздражающие факторы, такие как слежка Агентства национальной безопасности США за ведомством немецкого канцлера, Ангела Меркель, у которой никогда не было теплых отношений с Путиным, однозначно выбрала первый путь. Это означало конец всей исторической эпохи «восточной политики» (*Ostpolitik*), которая исходила, как сформулировал ее архитектор социал-демократ Эгон Бар, из изменения через сближение («Мы признали статус-кво, чтобы его изменить») ради создания европейского мирного порядка¹². Тот факт, что Германия, как и Европа в целом, столкнулась с выбором между Россией и США, является свидетельством провала попыток построения инклюзивного мирного порядка после окончания холодной войны.

По мере отхода от проекта *Широкой Европы* Россия делала все больший акцент на планы по созданию *Большой Европы*. Идея нового Договора о безопасности в Европе, озвученная Медведевым в Берлине 5 июня 2008 г., подразумевала создание новой, подлинно всеобъемлющей системы безопасности. Утверждалось, что новые идеи нужны для того, чтобы предотвратить появление новых разделительных линий на континенте. Западные державы встретили инициативу с вежливой снисходительностью, хотя для оценки этого предложения и был запущен так называемый процесс Корфу. Владимир Путин в своем выступлении в Берлине 26 ноября 2010 г. призвал к геополитическому объединению всей большой Европы – от Лиссабона до Владивостока – для создания настоящего стратегического партнерства¹³. Учитывая быстрое течение процесса евразийской интеграции, несколько удивляет, что Путин вернулся к идее создания зоны свободной торговли от Атлантики до Тихого океана на саммите Россия – ЕС в Брюсселе 28 января 2014 г., как оказалось, последнем в череде таких саммитов (Путин 2014а). В ходе

встречи с послами 1 июля 2014 г. Путин предположил, что европейские проблемы в области безопасности можно было бы разрешить путем создания «единого экономического и гуманитарного пространства от Лиссабона до Владивостока», пространства, которое прикрепило бы Европу к России, отделив ее от США (Путин 2014b). Настойчивое повторения Путина о том, что Евразийский экономический союз (ЕАЭС) является не альтернативой, а дополнением европейской интеграции, – это отголосок мечты о едином континенте. Путин заверяет, что участники проекта не планируют «ни от кого отгораживаться», и что ЕАЭС будет строиться на «универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов» (Путин 2011).

Этот подход предлагал не только возможность интеграции России и Турции в Европу, но и способ для Европы переосмыслить себя. Старая европейская интеграционная модель все большего расширения встретила свои естественные границы, в особенности из-за того, что *Широкая Европа* под влиянием сильного атлантизма своих участников из Центральной Восточной Европы утратила значительную часть своего евроголлизма и фактически оказалась поглощенной новым атлантизмом. Этот реформированный «прото-великодержавный» блок неизбежно должен был оказаться в состоянии конфронтации с Россией по самой простой причине структурного характера: не включенная в блок внешняя держава с глобальными устремлениями граничит с динамично изменяющейся системой держав, имеющей универсалистскую идеологию. Так получилось, что различные инициативы России по продвижению программы *Большой Европы* не нашли поддержки на Западе, так как их обычно воспринимали как очередное прикрытие проекта по созданию «большой России». Атлантическое сообщество очень бдительно следит за попытками вбить клин между двумя своими частями – Северной Америкой и Западной Европой. Многочисленные инициативы, предлагавшиеся Советским Союзом после смерти Сталина, постоянно виделись именно в таком свете. Со времени Никиты Хрущева эти идеи отвергались как попытки СССР расколоть евро-атлантическое сообщество безопасности. Эта точка зрения в духе холодной войны преобладает и сегодня из-за постоянного страха, что любая идея, исходящая извне атлантического альянса, может разделить союзников и является потому опасной.

Характерным является двойственное отношение к разработке Евро-союзом независимой Общей Внешней Политики и Политики Безопасности. Идея общего партнерства в области безопасности и экономики от Лиссабона до Владивостока обычно отвергается как пережиток евроголлизма. Как это ни парадоксально, но попытка удержать виртуальную монополию на жесткую безопасность в руках атлантического партнерства способствовала фактической милитаризации Евросоюза. Расширение ЕС

рассматривалось как часть более широкого процесса расширения евроатлантического сообщества, в котором неразрывно связаны безопасность, эффективное управление и экономические реформы (это тот самый упомянутый выше новый атлантизм, в основе которого лежит трансдемократия). Другими словами, расширение ЕС прокладывает путь для вступления в НАТО. Ряд стран – членов ЕС не являются членами НАТО (Австрия, Кипр, Ирландия, Финляндия, Мальта и Швеция), но это обусловлено историческими причинами. С 1989 г. большинство новых членов ЕС также становились членами НАТО. Лиссабонский договор формализовал это, требуя от всех стран-членов соответствия ОВПБ, которая, в свою очередь, встроена в атлантическое сообщество по безопасности или, другими словами, НАТО. Несмотря на стремление объединить континент после падения коммунизма, были созданы новые разделительные линии, и их выявил украинский кризис.

Существуют две мощные противопоставленные друг другу концепции Европы, но асимметричное окончание холодной войны означает, что институты *Широкой Европы* обрели глубину за счет более высокого уровня институционализации и расширились за счет вступления новых членов, а *Большой Европе* не хватает серьезных «организационных мускулов». Панъевропейские институты, такие как Совет Европы и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), с российской точки зрения, слишком часто действовали лишь как вспомогательные органы нового атлантизма вместо того, чтобы предоставлять площадку для развития равноудаленной (от России и США) *Большой Европы*. Более того, ЕС в принципе представляет собой общество равных, хотя этот аспект все больше искажается преобладанием Германии, в то время как *Большая Европа* слишком часто выглядит как средство проецирования российской силы. «Союз союзов», включающий ЕС, Россию, Турцию, Украину и другие страны новой Восточной Европы, смог бы наконец разрешить дилемму безопасности и, соответственно, дилемму развития континента. Америка смогла бы тогда сконцентрироваться на выполнении своей роли лидера в остальном мире.

Россия рассматривает себя как великую державу и центр альтернативного, хотя и необязательно враждебного, цивилизационного и геополитического полюса в мировой политике. Именно поэтому, с одной стороны, Россия не могла просто стать частью *Широкой Европы*, собранной вокруг ЕС, и тем более легко проскользнуть в евроатлантическое сообщество безопасности. С другой стороны, Россию в эти структуры никто не приглашал. По сути *Широкая* и *Большая Европа* – это не эквивалентные и даже не альтернативные варианты, а теоретически совместимые и параллельные стратегии, задача которых – гарантировать, что соперничество и разделение не станут снова частью политики на континенте. Развитие *Большой Европы* могло бы создать

основу для переговоров, и в лучшем случае это были бы сложные и трудные отношения между Россией и *Широкой Европой*, однако сохранило бы пространство для развития территорий, находящихся между ними. Вместо этого, как и в межвоенные годы, политика пошла в наихудшем направлении из всех возможных.

Странная смерть Европы

Украинский кризис обнажил недостатки европейского развития после холодной войны. Разнообразные аспекты внутреннего кризиса ЕС затронуты в других работах¹⁴. Их сопровождал растущий консенсус о том, что хотя ЕС в своей традиционной форме может быть обречен, какая-то форма «глубокой Европы» будет процветать¹⁵. Евросоюз не только оказался некомпетентен в урегулировании конфликтов, но и сам стал их источником. Плохо подготовленное продвижение ЕС в регион, который всегда признавался оспариваемым, спровоцировало тяжелейший международный кризис нашей эпохи, но как только кризис начался, Европу вывели из игры. Дрейф к слиянию с атлантической системой безопасности лишил Европу автономии и политических инструментов тогда, когда это действительно было важно для поддержания мира на европейском континенте. Мало того, что Евросоюз как институт был отодвинут на обочину в ходе развития кризиса, его результативность оказалась еще ниже: ему не удалось сдержать «партию войны» в Вашингтоне или сформулировать более сбалансированную стратегию, которая соответствовала бы провозглашаемому им нормативным ценностям. Министр иностранных дел России Сергей Лавров не раз выражал удивление по поводу того, как мало у Европы автономии, когда дело доходит до больших решений о судьбе континента. Он вспомнил заявление вице-президента США Джо Байдена о том, что американскому руководству пришлось уговорить Европу наложить санкции на Россию, хотя ЕС изначально был против таких мер. Лавров отметил: «Я не думаю, что это [санкции] идет на пользу Европе. Как публично сказал вице-президент США Джо Байден, это США приказали Европе присоединиться к санкциям против России. К сожалению, в течение нескольких лет мы переоценивали независимость Евросоюза и даже отдельных крупных европейских стран. Это геополитика». В то же время он призвал к «интеграции интеграций» между ЕС и ЕАЭС для создания основ *Большой Европы* (Лавров 2014).

Организационно ЕС не оснащен для геополитической борьбы и поэтому в ходе украинского кризиса вскоре оказался на вторых ролях рядом с державой, которая как раз идеально организована для геополитического противостояния мирового масштаба. В этих условиях ЕС не удалось реализовать свои нормы в области мира и развития из-за зави-

симости от геополитического союзника. Геополитическая логика нового атлантизма взяла верх над нормативными постмодернистскими устремлениями ЕС. Это не призыв к разрыву между ЕС и США, а довод в пользу необходимости проанализировать последствия неуважения к фундаментальному различию между двумя проектами. США заинтересованы в поддержании своего глобального лидерства во главе гегемонистского альянса и в устранении вызовов своему лидерству во всем мире. Это классические геополитические цели, хоть и изложенные языком либерального универсализма.

В данной статье не обсуждается, способно ли американское лидерство в конечном итоге обеспечить международные общественные блага, которые бы оправдали претензии США на гегемонию, хотя очевидно, что в мире увеличивается число стран, которые смущают не столько американские притязания, сколько типично неуклюжая и разрушительная манера их утверждения. Схожий аргумент теперь применим и к ЕС. Евросоюз был изначально создан для совершенно других целей, а именно для того, чтобы восстановить национальные государства, опустошенные во Второй мировой войне, и гарантировать, что они никогда снова не начнут войну (Milward 2000). Достаточно долго ЕС успешно решал эту задачу. Однако после падения Берлинской стены в 1989 г. и окончания холодной войны возник еще более серьезный вызов. Необходимо было найти способ добиться политического объединения континента, теперь состоящего из регионов с очень разным уровнем развития и историческим опытом.

Отчасти пересекаясь с Советом Европы и ОБСЕ, ЕС остается при этом организацией, превосходящей другие и представляющей новую Европу. Столкнувшись сейчас с большим, чем когда-либо, количеством проблем, включая экономические последствия валютного союза, утрату доверия со стороны граждан и все более неравномерное преобладание Германии, ЕС остается наиболее успешным региональным интеграционным объединением в истории человечества. Основной парадокс ситуации заключается в том, что организация, являющаяся по определению «европейской», стало все больше теряет европейское мировоззрение. Она стала воспринимать собственное расширение как ответ на проблемы региона вместо того, чтобы разобраться, как внести вклад в решение европейских проблем, будучи лишь одним игроком из многих. Этот солипсистский подход к самоанализу усиливает герметичность нового атлантизма. Расширение неизбежно сталкивалось с двумя основными проблемами: неспособность институтов ЕС к бесконечной адаптации и неспособность ЕС разработать действительно общеевропейскую программу объединения. Последнее потребовало бы творческого переосмысления европейской архитектуры и нормативных практик, чтобы преобразовательную роль Евросоюза можно было адаптиро-

вать к новым обстоятельствам. Вместо этого непреклонный акцент на ЕС как высшее воплощение монистического образа *Широкой Европы* спровоцировал разьединение и войну.

Таким образом, Европа столкнулась с двумя фундаментальными и взаимосвязанными кризисами. Первый из них – кризис во внутреннем развитии ЕС. Ярче всего он проявился в попытке справиться с разногласиями и противоречиями, сопровождавшими создание валютного союза без союза фискального, а также в широком разочаровании народов в идее европейской интеграции, которое привело к росту различных популистских движений (Hall 2014). Обществам европейских стран попросту не дали внятного ответа на вопрос о том, для чего нужен Евросоюз в условиях его фактического поглощения системой атлантического альянса. Это не означает, что нет хороших ответов, но их нужно сформулировать как ответы не на атлантические, а на европейские проблемы. Кроме того, как отмечает Максин Дэвид, «ЕС не может уйти от того факта, что Россия не воспринимает его как нечто благожелательное, и этим он должен руководствоваться при выработке политического ответа. Необходимость сформировать новую концепцию отношений ЕС и России... потребует от ЕС на время забыть о своих главных идеологических склонностях». Она подчеркивает, что это не значит дать России фактическое право вето в делах ЕС или подорвать нормативные основы Евросоюза. Это значит, что «ЕС следует продолжать предлагать пространство для диалога», в том числе проанализировав, соответствует ли цели существующая «европейская архитектура безопасности», частью которой является ЕС, и является она «слишком инклюзивной или эксклюзивной» (David 2014: 7).

Это подводит нас ко второму фундаментальному кризису – геополитическому. Он назревал в течение долгого времени, но в последние годы его затмевал кризис идентичности, цели и внутренней логики самого Евросоюза. У геополитического кризиса есть пять аспектов: географический, нормативный, поведенческий, рациональный и межрегиональный. Во-первых, если рассматривать вопрос в географических терминах, то в некотором смысле Европа в плане расширения достигла долгожданной стадии завершенности (*finalité*). Кризис расширения наиболее ярко проявился в случае Турции, которая вряд ли присоединится к ЕС в этот исторический период. Эта страна просто слишком большая, слишком населенная, слишком отсталая и, главное, слишком мусульманская, чтобы ее членство в ЕС стало приемлемо для некоторых ключевых игроков. Расширение также столкнется с определенными основополагающими трудностями в западной части Балкан. Трудно представить вступление Албании, Боснии, Македонии или Сербии в ЕС в обозримом будущем.

Во-вторых, на нормативном уровне к старым болезненным вопросам присоединился целый ряд новых. Статус этнических русских в Эстонии и Латвии уже давно является проблемой из-за «реститутивной» модели государственности, которую выбрали эти две страны, а дискуссии в рамках ЕС на данную тему слишком легко решили «замять». В той же мере предполагаемое наличие американских центров содержания и пыток на территории Литвы, Польши и Румынии плохо сочетается с провозглашаемым ценностями ЕС. Другими словами, нормы ЕС слишком легко приносились в жертву торгу внутри ЕС или другим соображениям, прежде всего приверженности новому атлантизму.

В-третьих, на поведенческом уровне условия, связанные с расширением ЕС, были мощным инструментом преобразования многих стран из бывшего советского блока. Однако в определенный момент принцип выдвижения условий можно извратить, превратив в простой инструмент ненасильственного принуждения. Например, серьезное давление было оказано на Сербию, чтобы та присоединилась к санкциям против России. Это было представлено как признак готовности Сербии проявить солидарность с ЕС, но замалчивается тот факт, что режим санкций является весьма неоднозначным и многие страны-члены испытывают серьезные сомнения по поводу его необходимости и эффективности, если не выступают открыто против. Готовность Сербии порвать связи со своим историческим союзником выводит условия вступления на принципиально новый уровень, что некоторые могут счесть неправильным. Даже на уязвимых новых членов оказали сильное давление, чтобы они подчинились. В итоге в середине 2014 г. после визитов ряда американских сенаторов Болгария объявила, что приостановит свое участие в проекте газопровода «Южный поток», что привело к закрытию проекта. Болгария при этом потеряла миллиарды евро за счет несозданных рабочих мест в строительстве и неполученных транзитных платежей, а энергетической безопасности Европы был нанесен ущерб.

В-четвертых, на уровне рациональности, как показывает прекращение проекта «Южный поток», не вполне ясно, имеют ли такие инициативы, как Третий энергетический пакет (отделение производства от распределения), смысл в контексте исторической структуры российских поставок газа в Европу. Пакет передает все риски стране-производителю, при этом необязательно укрепив бесперебойность поставок потребителям. Энергетическое разъединение стало частью неолиберальной догмы, но на определенном уровне оно попросту не имеет смысла. В более широком плане представляется, что нерационально со стороны ЕС подчинять свою энергетику и даже физическую безопасность потребностям и тревогам атлантического партнера. Что касается Украины, в центре Европы произошел абсолютно ненужный конфликт. Несколько раз было возможным установление мира, например после

переговоров в Берлине 2 июня 2014 г., но атлантистское давление закрыло это «окно возможностей». США встали на сторону воинственного украинского национализма, хотя в конечном итоге это конфликт по поводу права участвовать в формировании того, что значит быть украинцем. ЕС последовал примеру США, не только демонизируя Путина, что, разумеется, поощряется украинскими националистами с их монистическими взглядами, но даже косвенным образом пытаясь лишить легитимности режим, который он возглавляет. Это иррационально и очень опасно по любым меркам.

В-пятых, не случайно, что украинский кризис был вызван «Соглашением об ассоциации с ЕС». Хотя переговоры начались в 2007 г., т.е. до того, как «Восточное партнерство» обрело форму (его формально запустили в мае 2009 г.), конфронтация по поводу «Соглашения об ассоциации» и связанного с ним «Глубокого и всеобъемлющего соглашения о свободной торговле» в конечном итоге представляла собой весьма неудачную попытку создать структуру для межрегионального сотрудничества и взаимодействия. Соглашения со странами Северной Африки и большей частью Центральной Европы были фактически заключены в условиях регионального вакуума. Никто не подвергал сомнению право Польши и Чешской Республики или даже Словении и Хорватии добиться своего «возвращения в Европу», особенно учитывая, что в большинстве этих стран имел место очевидный общественный консенсус по данному поводу. Такого консенсуса не было в случае Украины, и, несмотря на яростное отстаивание «европейского выбора» украинскими националистами, значительная часть населения стремилась сохранить исторические связи с Россией. Вопрос здесь не в суверенном праве Украины принимать решение, а в признании того, что общество разделено в своем отношении к вступлению в ЕС и еще больше – по вопросу о вступлении в НАТО.

Как отмечает Г. Киссинджер, «Европейский союз должен осознать, что его бюрократическая медлительность и подчинение стратегического элемента внутренней политике в ходе переговоров об отношениях Украины с Европой способствовали превращению переговоров в кризис. Внешняя политика – это искусство расстановки приоритетов» (Kissinger 2014). Этот регион далек от вакуума в том смысле, в каком он упоминается выше, и, несомненно, является регионом с глубоко укоренившимися региональными связями. Хотя Украина формально так и не ратифицировала Устав СНГ, страна извлекла большую пользу из общественных благ организации: безвизового перемещения, трудовой мобильности, трансграничных пенсионных платежей и многого другого, в том числе и интенсификации усилий по созданию зоны свободной торговли СНГ. Даже самый благодушный режим в Москве ожидал бы содержательных переговоров для согласования стратегиче-

ского сдвига в ориентации новой Восточной Европы, когда она стала зоной совместного влияния России и ЕС. Вместо этого российские попытки начать серьезный диалог по данным вопросам неоднократно отклонялись Евросоюзом, часто в довольно грубой форме. Даже в панегирике Эндрю Уилсона, посвященном революционному Майдану, отмечается, что вице-премьер Игорь Шувалов отправился в феврале 2013 г. в Брюссель, чтобы попытаться наконец начать содержательные переговоры, но вернулся с пустыми руками (Wilson 2014: 17).

Как было отмечено, «холодный мир» был своего рода имитацией холодной войны, в которой сохранялись структуры и позиции холодной войны, хотя этот факт был скрыт завесой благонамеренной, но приведшей к расколу риторики. Евросоюз в конечном счете оказался вовлеченным в геополитическое соперничество с Россией, подавляя при этом осознание логики своих действий. Украина оказалась внутренне разделена и расположена вдоль традиционного исторического разлома Европы, но искусная дипломатия в духе традиционного реализма могла бы предотвратить кризис. Крайняя степень ожесточенности, с которой очерняют Путина, представляет собой просто проекцию внутренних противоречий на очевидного козла отпущения. Евросоюз подавил осознание собственных геополитических амбиций, облекая свое наступление в термины регулирования, эффективного управления и нормативных институтов. Это важные и основополагающие принципы, но когда они насаждаются без признания сложных внутренних и внешних характеристик страны-объекта, тогда это представляет собой геополитический нигилизм высшего порядка. Этот нигилизм формулировался языком аморфного атлантизма, который, как имитация холодной войны, перекладывает ответственность на герметичную идеологию трансдемократии, где наступление демократии связано с подчинением структурам безопасности нового атлантизма. Новый атлантизм эпохи после окончания холодной войны объединяет русофобские элиты в восточноевропейских странах – кандидатах на вступление в ЕС, яростных атлантистов в старой Европе и сторонников американского лидерства (гегемонии) в Вашингтоне, которые сговорились подорвать изначально мирную цель того, что теперь стало Евросоюзом. ЕС оказался втянутым в новый атлантизм, утратив тем самым собственное понимание цели и чувство ответственности за свои геополитические начинания. Вместо того, чтобы продвигать мирную интеграцию Европы на ясно сформулированной общеевропейской основе, ЕС стал инструментом создания новых разделительных линий на континенте.

Примечания

¹ Папа Бенедикт XV призвал к окончанию «этой самой губительной войны» в энциклике *Ad Beatissimi Apostolorum* (Призывая к миру) от 1 ноября 1914 г. URL:

http://w2.vatican.va/content/benedict-xv/en/encyclicals/documents/hf_ben-xv_enc_01111914_ad-beatissimi-apostolorum.html

² Исследование российской «великодержавности» см. в: *Smith H.* Russian Greatpower-ness: Foreign Policy, The Two Chechen Wars and International Organisations. Helsinki: University of Helsinki Faculty of Social Sciences, 2014.

³ Отличный обзор см. в: *Walker E.W.* «Between East and West: NATO Enlargement and the Geopolitics of the Ukraine Crisis», in *Sakwa R., Pikulicka-Wilczewska A.* (eds.), *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*, E-International Relations. 2015 (в печати).

⁴ Например, *Hyde-Price A.* «Normative» Power Europe: A Realist Critique // *Journal of European Public Policy*. 2006. Vol. 13, № 2. P. 217–234; *Pace M.* The Construction of EU Normative Power // *Journal of Common Market Studies*. 2007. Vol. 45, № 5. P. 1041–1064.

⁵ В европейском контексте «трансдемократическая» идея представляет собой утверждение о том, что безопасность можно укрепить путем продвижения либеральной демократии и интеграции в европейские институты. Близкая по смыслу концепция интердемократии рассмотрена в: *Diesen G.* EU and NATO Relations with Russia: After the Collapse of the Soviet Union. Aldershot: Ashgate, 2015.

⁶ Очевидно, что эти страхи подогреваются некоторыми воинственными идеями в российском общественном дискурсе. Например, неоевразиец Александр Дугин подхватывает тезис изначальных евразийцев о том, что Россия не является и не может быть частью Европы и что отношения между Россией и Европой по своей сути конфликтны. Его недавние размышления о том, какой он хотел бы видеть путинскую модель, см. в издании: *Дугин А.* Новая формула Путина: Основы этической политики. М.: Алгоритм, 2014. Влияние этого мышления на Путина обычно сильно преувеличивают, оно не отражено в официальных документах по внешней политике и безопасности.

⁷ Ричард Саква использует термин «герметичный», который он далее разъясняет. Мы сохранили этот термин и не стали заменять его при переводе на близкие по смыслу «закрытый» и «непроницаемый» для того, чтобы сохранить авторский стиль, для которого характерны словообразование и использование собственных терминов для более точной передачи идей (*прим. ред.*).

⁸ Вопиющий пример такого эскалационного мышления см. в: *Blank S.* Russia's Vladimir Putin clearly wants to dominate all of Europe // *Washington Post*. 2014. 28 Dec.

⁹ См. первую по-настоящему идеологическую речь Путина, с которой он выступил на заседании клуба «Валдай», представив Россию хранительницей западной традиции, которую, по его словам, сам Запад утратил. *Путин В.* Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». 2013. 19 сент. URL: <http://kremlin.ru/news/19243>

¹⁰ В своем выступлении в городе Ним 5 мая 2009 г. незадолго до выборов в Европарламент Саркози заявил, что Турции «не дано стать членом ЕС». Интересной новацией стало то, что он поместил Россию и Турцию на одну плоскость, заметив, что обеим странам следует создать «общее экономическое пространство и пространство безопасности» с ЕС. Тогда будет сформировано «обширное пространство в 800 миллионов жителей, которые могли бы разделить одинаковую безопасность и процветание». *Выступление Президента Французской Республики* Николя Саркози в Ниме 5.05.2009. URL: <http://www.ambafrance-ru.org> (Архив новостей 2009: Франция и Европа).

¹¹ Анализ политики Германии см.: *Bulmer S.* Germany and the Eurozone Crisis: Between Hegemony and Domestic Politics / In 'Europe's Crisis: Background, Dimensions, Solutions' Randall Hansen (ed.). *West European Politics*. 2014. Vol. 37, № 6. P. 1244–1263.

¹² Идеи Бара и их обсуждение можно найти в: «*Statements and Discussion*». GHI Bulletin. 2003. Suppl. № 1. P. 137–167. URL: http://www.ghi-dc.org/files/publications/bu_supp/supp1/supp-01_137.pdf. О европейском мирном порядке см.: *Raus R.* Egon Bahr and the Concept of a «European Peace Order» (1963–1970). Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe (CVCE). 16.05.2013. URL: http://www.cvce.eu/obj/rachele_raus_egon_bahr_and_

the_concept_of_a_european_peace_order_1963_1970-en-72b54117-68d2-450a-92aa-8ca668c75d6d.html

¹³ Выступление на IV ежегодном экономическом форуме в Берлине, организованном газетой «Зюддойче Цайтунг», которое за день до этого было представлено в виде статьи в данной газете. Текст выступления: URL: <http://archive.premier.gov.ru/visits/world/13103/events/13118>. *Wladimir Putin* «Von Lissabon bis Wladiwostok. Handelspakt zwischen Russland und Europa: Moskau will als Lehre aus der größten Krise der Weltwirtschaft seit acht Jahrzehnten wesentlich enger mit der Europäischen Union zusammenarbeiten» // *Süd-deutsche Zeitung*. 2010. 25 Nov. URL: www.sueddeutsche.de

¹⁴ Анализ различных аспектов кризиса см. в Special Issue edited by *Randall Hansen* «Europe's Crisis: Background, Dimensions, Solutions» // *West European Politics*. 2014. Vol. 37 (6).

¹⁵ Этот тезис продвигает Ян Зелонка, хотя он не употребляет термин «глубокая Европа». *Zielonka J.* *Is the EU Doomed?* (Global Futures). Cambridge: Polity Press, 2014.

Литература

Бунин И., Макаркин А. Россия vs Запад: Социально-политические основания конфликта. Центр политических технологий. 2014. URL: <http://www.politcom.ru/18362.html> (дата обращения: 16.07.2015).

Выступление Президента Французской Республики Николя Саркози в Ниме 5.05.2009. URL: <http://www.ambafrance-ru.org> (Архив новостей 2009: Франция и Европа).

Громыко А., Фёдоров В.П. Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Институт Европы. М., 2014.

Дугин А. Новая формула Путина: Основы этической политики. М.: Алгоритм, 2014.

Караганов С.А. 2014: Предварительные итоги // Российская газета. 2014. 28 нояб. URL: <http://www.rg.ru/2014/11/28/itogi.html> (дата обращения: 15.07.2015).

Лавров С. В отчуждении мы не заинтересованы // Интерфакс. 2014. 29 дек. URL: <http://www.interfax.ru/415975> (дата обращения: 15.07.2015).

Парижская хартия для новой Европы. ОБСЕ. Париж. 1990. 21 нояб. URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39520?download=true> (дата обращения: 15.07.2015).

Путин В.В. Выступление на IV ежегодном экономическом форуме в Берлине // Зюддойче Цайтунг. 2010. URL: <http://archive.premier.gov.ru/visits/world/13103/events/13118> (дата обращения: 15.07.2015).

Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 15.07.2015).

Путин В. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». 2013. 19 Сент. URL: <http://kremlin.ru/news/19243>

Путин В.В. Саммит Россия – ЕС. 2014а. 28 янв. URL: <http://kremlin.ru/news/20113> (дата обращения: 15.07.2015).

Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации. 2014б. 18 марта. URL: <http://kremlin.ru/news/20603> (дата обращения: 15.07.2015).

Путин В.В. Совещание послов и постоянных представителей России. 2014в. 1 июля. URL: <http://kremlin.ru/news/46131> (дата обращения: 15.07.2015).

Ad Beatissimi Apostolorum (Призывая к миру). 1914. 1 Nov. URL: http://w2.vatican.va/content/benedict-xv/en/encyclicals/documents/hf_ben-xv_enc_01111914_ad-beatissimi-apostolorum.html (дата обращения: 15.07.2015).

Allison R. Russian «Deniable» Intervention in Ukraine: How and Why Russia Broke the Rules // *International Affairs*. 2014. Vol. 90, № 6. P. 1255–1297.

Bershidsky L. «No Illusions Left, I'm Leaving Russia» // *Moscow Times*. 2014. 19 June.

Brenton T. Is no one in the West trying to do a deal with Putin? // *The Independent*. 2015. 4 Jan.

- Bulmer S.* Germany and the Eurozone Crisis: Between Hegemony and Domestic Politics // *West European Politics*. 2014. Vol. 37, № 6. 2014. P. 1244–1263.
- Buzan B., Lawson G.* Capitalism and the Emerging World Order // *International Affairs*. 2014. Vol. 90, № 1. P. 71–91.
- David M.* EU-Russia Relations: Effects of the 2014 Ukraine Crisis // *Russian Analytical Digest*. 2014. № 158. P. 5–7.
- Diesen G.* EU and NATO Relations with Russia: After the Collapse of the Soviet Union. Aldershot: Ashgate, 2015.
- Dower John W.* Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II. New York: Norton, 2000.
- Dragneva R., Wolczuk K.* The EU-Ukraine Association Agreement and the Challenges of Inter-Regionalism // *Review of Central and East European Law*. 2014. Vol. 39, № 3–4. P. 213–244.
- Europe's Crisis: Background, Dimensions, Solutions' // West European Politics*. 2014. Vol. 37, № 6. Special Issue (ed. by R. Hansen).
- Garton T.A.* Free World: Why a Crisis of the West Reveals the Opportunity of our Time. London: Penguin, 2005.
- Gorbachev M., Ikeda D.* Moral Lessons of the Twentieth Century. London: I.B. Tauris, 2005. 180 p.
- Hall P.A.* Varieties of Capitalism and the Euro Crisis // *West European Politics*. 2014. Vol. 37, № 6. P. 1223–1243.
- Horvath R.* Putin's «Preventative Counter-Revolution»: Post-Soviet Authoritarianism and the Spectre of Velvet Revolution. London & New York: Routledge, 2013.
- Hyde-Price A.* «Normative» Power Europe: A Realist Critique' // *Journal of European Public Policy*. 2006. Vol. 13, № 2. P. 217–234.
- Kissinger H.* «To settle the Ukraine crisis, start at the end» // *Washington Post*. 2014. 5 March. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html (дата обращения: 15.07.2015).
- Kissinger H.* *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. London: Allen Lane, 2014.
- Krastev I., Leonard M.* *The New European Disorder*. London: ECFR, 2014.
- Maresceau M.* EU Enlargement and EU Common Strategies on Russia and Ukraine: An Ambiguous Yet Unavoidable Connection // *EU Enlargement: A Legal Approach / Ed. by Christophe Hillion*. Oxford and Portland: Oregon, Hart Publishing, 2004.
- Mearsheimer J.* Why the Ukraine Crisis is the West's Fault: The Liberal Delusions that Provoked Putin // *Foreign Affairs*. 2014. Vol. 93, № 5. P. 77–89.
- Mickiewicz E.* *No Illusions: The Voices of Russia's Future Leaders*. New York: Oxford University Press, 2014.
- Milward A.* *The European Rescue of the Nation State*. 2nd ed. London & New York: Routledge, 2000.
- Outrage at «old Europe» remarks' // BBC News*. 2003. 23 Jan. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/2687403.stm> (дата обращения: 15.07.2015).
- Pace M.* The Construction of EU Normative Power // *Journal of Common Market Studies*. 2007. Vol. 45, № 5. 2007. P. 1041–1064.
- Prozorov S.* *Understanding Conflict between Russia and the EU: The Limits of Integration*. Basingstoke. Palgrave Macmillan, 2006.
- Putin W.* «Von Lissabon bis Wladiwostok. Handelspakt zwischen Russland und Europa: Moskau will als Lehre aus der größten Krise der Weltwirtschaft seit acht Jahrzehnten wesentlich enger mit der Europäischen Union zusammenarbeiten» // *Süddeutsche Zeitung*. 2010. 25 Nov. URL: <http://www.sueddeutsche.de> (дата обращения: 15.07.2015).
- Raus R.* Egon Bahr and the Concept of a «European Peace Order» (1963–1970). Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe (CVCE). 2013. 16 May. URL:

- http://www.cvce.eu/obj/rachele_raus_egon_bahr_and_the_concept_of_a_european_peace_order_1963_1970-en-72b54117-68d2-450a-92aa-8ca668c75d6d.html (дата обращения: 15.07.2015).
- Sakwa R. The Cold Peace: Russo-Western Relations as a Mimetic Cold War // Cambridge Review of International Affairs. 2013. Vol. 26, № 1. P. 203–224.
- Sakwa R. «New Cold War» or Twenty Years' Crisis? // International Affairs. 2008. Vol. 84, № 2. P. 241–267.
- Sakwa R. Putin and the Oligarch: The Khodorkovsky – Yukos Affair. London: I.B. Tauris, 2014a.
- Sakwa R. Putin Redux: Power and Contradiction in Contemporary Russia. London & New York: Routledge, 2014b.
- Sakwa R., Pikulicka-Wilczewska A. (eds.), Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives, E-International Relations. 2015 (в печати).
- Smith H. Russian Greatpowerness: Foreign Policy The Two Chechen Wars and International Organisations. University of Helsinki. Faculty of Social Sciences, 2014.
- Statements and Discussion // GHI Bulletin. Supplement № 1. 2003. P. 137–167. URL: http://www.ghi-dc.org/files/publications/bu_supp/supp1/supp-01_137.pdf (дата обращения: 15.07.2015).
- Stephen Blank. Russia's Vladimir Putin clearly wants to dominate all of Europe // Washington Post. 2014. 28 Dec.
- Tholens S., Del Sarto R.A. Partnership or Power Projection?: The EU and its «Neighbourhood» // Open Democracy. 2014. URL: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/simone-tholens-raffaella-adel-sarto/partnership-or-power-projection-eu-and-its-n> (дата обращения: 15.07.2015).
- Trenin D. Russia's Breakout from the Post-Cold War System: The Drivers of Putin's Course. Carnegie Moscow Centre, 2014. URL: <http://carnegie.ru/2014/12/22/russia-s-breakout-from-post-cold-war-system-drivers-of-putin-s-course/hxsm> (дата обращения: 15.07.2015).
- Walker E.W. Between East and West: NATO Enlargement and the Geopolitics of the Ukraine Crisis / R. Sakwa, A. Pikulicka-Wilczewska (eds.), Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives, E-International Relations, 2015.
- Wilson A. Ukraine Crisis: What it Means for the West. London & New Haven: Yale University Press, 2014.
- Zielonka J. Europe as a Global Actor // International Affairs. 2008. Vol. 84, № 3. P. 471–484.
- Zielonka J. Europe as Empire: The Nature of the Enlarged. Oxford University Press, 2007.
- Zielonka J. Is the EU Doomed? (Global Futures). Cambridge: Polity Press, 2014.

Перевод с английского Н.К. Рожановской

Статья поступила в редакцию 3 июля 2015 г.

Richard Sakwa

THE UKRAINE CRISIS AND THE CRISIS OF EUROPE

Abstract. On the outbreak of the First World War was declared as «the suicide of Europe», a hundred years later we can talk of a new suicide of Europe, as the idealism associated with a whole era of European integration is revealed as nugatory and an illusion. At the heart of the European Union (EU) is a peace project, and it spectacularly delivered on this promise in Western Europe before 1989. However, when faced with a no less demanding challenge in the post-communist era – to heal the Cold War divisions and to build the foundations for a united continent – the EU failed. Instead of a vision embracing the whole continent, the EU became little more than the civilian wing of the Atlantic security alliance. Even its increasingly

limited commitment to social and cross-national solidarity is jeopardised by the putative Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP).

The EU ultimately stumbled into geopolitical competition with Russia while suppressing recognition of the logic of its actions. Ukraine was divided internally and located along Europe's traditional historical fault lines, but adroit diplomacy of the traditional «realist» kind could have averted the crisis. The EU has suppressed recognition of its own geopolitical ambitions, couching its advance in the language of regulation, good governance and normative institutions. The new Atlanticism of the post-Cold War era brings together Russophobic elites in the East European accession countries, virulent Atlanticists in «old Europe» and exponents of American «leadership» (hegemony) in Washington, who together have conspired radically to subvert the original peace purpose of what has now become the EU. The EU has become subsumed into the new Atlanticism, thereby losing its own sense of purpose and responsibility for its geopolitical ventures. Instead of advancing the peaceful integration of Europe on a clearly articulated pan-continental basis, the EU became the instrument for new dividing lines across the continent.

Key words: European union, Atlantism, Russia, Ukraine, United States of America

DOI: 10.17223/2312461X/9/2

References

- Bunin I., Makarkin A. *Rossii vs. Zapad: Sotsial'no-politicheskie osnovaniia konflikta* [Russia vs the West: Socio-political Grounds of the Conflict]. Tsentr politicheskikh tekhnologii, 2014. Available at: <http://www.politcom.ru/18362.html> (Accessed 15 July 2015).
- Gromyko A., Fedorov V.P. *Bol'shaia Evropa. Idei, real'nost', perspektivy* [The Great Europe. Ideas, Reality, Prospects]. Institut Evropy. Moscow, 2014.
- Dugin A. *Novaya formula Putina: Osnovy eticheskoi politiki*. Moscow: Algoritm, 2014.
- Karaganov C.A. 2014: Predvaritel'nye itogi [Year 2014: Preliminary Results], *Rossiiskaia gazeta*, 2014, 28 Nov. Available at: <http://www.rg.ru/2014/11/28/itogi.html> (Accessed 15 July 2015).
- Lavrov S. «V otchuzhdenii my ne zainteresovany» [We Are Not Interested in the Estrangement], *Interfax*, 2014, 29 Dec. Available at: <http://www.interfax.ru/415975> (Accessed 15 July 2015).
- Parizhskaia khartiia dlia novoi Evropy* [Charter of Paris for a New Europe]. OCSE. Paris, 1990, 21 Nov. Available at: <http://www.osce.org/ru/mc/39520?download=true> (Accessed 15 July 2015).
- Putin V.V. Vystuplenie na IV ezhegodnom ekonomicheskom forumе v Berline [Speech at the 4th Annual Economic Forum in Berlin], *Süddeutsche Zeitung*, 2010. Available at: <http://archive.premier.gov.ru/visits/world/13103/events/13118> (Accessed 15 July 2015).
- Putin V.V. Novyi integratsionnyi proekt dlia Evrazii – budushchee, kotoroe rozhdaetsia segodnia [A New Integration Project for Eurasia – the Future that is born Today], *Izvestiia*, 2011, 3 Oct. Available at: <http://izvestia.ru/news/502761> (Accessed 15 July 2015).
- Putin V. «Meeting of the Valdai International Discussion Club», 19 September 2013. URL: <http://eng.news.kremlin.ru/news/6007>
- Putin V.V. *Sammit Rossiia-ES* [Russia – EU Summit], 2014a, 28 Jan. Available at: <http://kremlin.ru/news/20113> (Accessed 15 July 2015).
- Putin V.V. *Obrashchenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii* [The Appeal of the President of the Russian Federation], 2014b, 18 March. Available at: <http://kremlin.ru/news/20603> (Accessed 15 July 2015).
- Putin V.V. *Soveshchanie poslov i postoiannykh predstavitelei Rossii* [A Conference of Russia's Ambassadors and Permanent Representatives], 2014c, 1 July. Available at: <http://kremlin.ru/news/46131> (Accessed 15 July 2015).

- Ad Beatissimi Apostolorum*, 1914, 1 Nov. Available at: http://w2.vatican.va/content/benedict-xv/en/encyclicals/documents/hf_ben-xv_enc_01111914_ad-beatissimi-apostolorum.html (Accessed 15 July 2015).
- Allison R. Russian «Deniable» Intervention in Ukraine: How and Why Russia Broke the Rules, *International Affairs*, 2014, Vol. 90, no. 6, pp. 1255–1297.
- Bershidsky L. “No Illusions Left, I’m Leaving Russia”, *Moscow Times*, 2014, 19 June.
- Brenton T. Is no one in the West trying to do a deal with Putin?, *The Independent*, 2015, 4 Jan.
- Bulmer S. Germany and the Eurozone Crisis: Between Hegemony and Domestic Politics, *West European Politics*, 2014, Vol. 37, no. 6, pp. 1244–1263.
- Buzan B., Lawson G. Capitalism and the Emerging World Order, *International Affairs*, 2014, Vol. 90, no. 1, pp. 71–91.
- David M. EU-Russia Relations: Effects of the 2014 Ukraine Crisis, *Russian Analytical Digest*, 2014, no. 158, pp. 5–7.
- Diesen G. *EU and NATO Relations with Russia: After the Collapse of the Soviet Union*. Aldershot: Ashgate, 2015
- Dower John W. *Embracing Defeat: Japan in the Wake of World War II*. New York: Norton, 2000.
- Dragneva R., Wolczuk K. The EU-Ukraine Association Agreement and the Challenges of Inter-Regionalism, *Review of Central and East European Law*, 2014, Vol. 39, no. 3-4, pp. 213–244.
- Europe’s Crisis: Background, Dimensions, Solutions’, *West European Politics*, 2014, Vol. 37, no. 6. Special Issue. Edited by R. Hansen.
- Garton T.A. *Free World: Why a Crisis of the West Reveals the Opportunity of our Time*. London: Penguin, 2005.
- Gorbachev M., Ikeda D. *Moral Lessons of the Twentieth Century*. London: I.B. Tauris, 2005. 180 p.
- Hall P.A. Varieties of Capitalism and the Euro Crisis, *West European Politics*, Vol. 37, no. 6, pp. 1223–1243.
- Horvath R. *Putin’s “Preventative Counter-Revolution”: Post-Soviet Authoritarianism and the Spectre of Velvet Revolution*. London & New York: Routledge, 2013.
- Hyde-Price A. «Normative» Power Europe: A Realist Critique”, *Journal of European Public Policy*, 2006, Vol. 13, no. 2, pp. 217–234.
- Kissinger H. «To settle the Ukraine crisis, start at the end», *Washington Post*, 2014, 5 March. Available at: http://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html (Accessed 15 July 2015).
- Kissinger H. *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. London: Allen Lane, 2014.
- Krastev I., Leonard M. *The New European Disorder*. London: ECFR, 2014.
- Maresceau M. EU Enlargement and EU Common Strategies on Russia and Ukraine: An Ambiguous Yet Unavoidable Connection, *EU Enlargement: A Legal Approach*. Ed. by Christophe Hillion. Oxford and Portland: Oregon, Hart Publishing, 2004.
- Mearsheimer J. Why the Ukraine Crisis is the West’s Fault: The Liberal Delusions that Provoked Putin, *Foreign Affairs*, 2014. Vol. 93, no. 5, pp. 77-89.
- Mickiewicz E. *No Illusions: The Voices of Russia’s Future Leaders*. New York: Oxford University Press, 2014.
- Milward A. *The European Rescue of the Nation State*. 2nd ed. London & New York: Routledge, 2000.
- Outrage at «old Europe» remarks’, *BBC News*, 23.01.2003. Available at: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/2687403.stm> (Accessed 15 July 2015).
- Pace M. The Construction of EU Normative Power, *Journal of Common Market Studies*, 2007, Vol. 45, no. 5, 2007, pp. 1041–1064.

- Prozorov S. *Understanding Conflict between Russia and the EU: The Limits of Integration*. Basingstoke. Palgrave Macmillan, 2006.
- Putin W. «Von Lissabon bis Wladiwostok. Handelspakt zwischen Russland und Europa: Moskau will als Lehre aus der größten Krise der Weltwirtschaft seit acht Jahrzehnten wesentlich enger mit der Europäischen Union zusammenarbeiten», *Süddeutsche Zeitung*, 25.11.2010. Available at: <http://www.sueddeutsche.de> (Accessed 15 July 2015).
- Raus R. *Egon Bahr and the Concept of a "European Peace Order" (1963-1970)*. Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe (CVCE), 2013, 16 May. Available at: <http://www.cvce.eu/obj/rachele-raus-egon-bahr-and-the-concept-of-a-european-peace-order-1963-1970-en-72b54117-68d2-450a-92aa-8ca668c75d6d.html> (Accessed 15 July 2015).
- Sakwa R. The Cold Peace: Russo-Western Relations as a Mimetic Cold War, *Cambridge Review of International Affairs*, 2013, Vol. 26, no. 1, pp. 203–224.
- Sakwa R. «New Cold War» or Twenty Years' Crisis? *International Affairs*, 2008, Vol. 84, no. 2, pp. 241–267.
- Sakwa R. *Putin and the Oligarch: The Khodorkovsky - Yukos Affair*. London: I.B. Tauris, 2014a.
- Sakwa R. *Putin Redux: Power and Contradiction in Contemporary Russia*. London & New York: Routledge, 2014b.
- Sakwa R., Pikulicka-Wilczewska A. (eds.). *Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives, E-International Relations*. 2015 (in press).
- Sarkozy Nicholas. «Discours de M. le Président de la République». Nîmes, 5 May 2009. URL: [Elysée.fr](http://elysee.fr)
- Smith H. *Russian Greatpowerness: Foreign Policy The Two Chechen Wars and International Organisations*. University of Helsinki. Faculty of Social Sciences, 2014.
- Statements and Discussion, *GHI Bulletin*. Supplement no. 1, 2003, pp. 137–167. Available at: http://www.ghi-dc.org/files/publications/bu_supp/supp1/supp-01_137.pdf (Accessed 15 July 2015).
- Stephen Blank. Russia's Vladimir Putin clearly wants to dominate all of Europe. *Washington Post*. 2014. 28 Dec.
- Tholens S., Del Sarto R.A. Partnership or Power Projection?: The EU and its «Neighbourhood», *Open Democracy*, 2014. Available at: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/simone-tholens-raffaella-adel-sarto/partnership-or-power-projection-eu-and-its-n> (Accessed 15 July 2015).
- Trenin D. *Russia's Breakout from the Post-Cold War System: The Drivers of Putin's Course*. Carnegie Moscow Centre, 2014. Available at: <http://carnegie.ru/2014/12/22/russia-s-breakout-from-post-cold-war-system-drivers-of-putin-s-course/hxsm> (Accessed 15 July 2015).
- Walker E.W. Between East and West: NATO Enlargement and the Geopolitics of the Ukraine Crisis, *Richard Sakwa and Agnieszka Pikulicka-Wilczewska (eds.), Ukraine and Russia: People, Politics, Propaganda and Perspectives*. E-International Relations, 2015.
- Wilson A. *Ukraine Crisis: What it Means for the West*. London & New Haven: Yale University Press, 2014.
- Zielonka J. *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged*. Oxford University Press, 2007.
- Zielonka J. Europe as a Global Actor, *International Affairs*, 2008, Vol. 84, no. 3, pp. 471–484.
- Zielonka J. *Is the EU Doomed? (Global Futures)*. Cambridge: Polity Press, 2014.